
**НОМО NOOSPHERICUS
КАК АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗА НОМО FUTURUS**

А. П. ЦВЕТКОВ – к. филос. н., проф.,
Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
(г. Симферополь, Украина)

E-mail: tsvetkov1ap@mail.ru

В контексте противоречия между сущим и должным и с помощью ключевых понятий ноосферологии обосновывается идея об острой необходимости актуализации культурно-образующего идеального образа человека – человека долженствующего как человека будущего; в качестве его конкретизации предлагается проект homo noosphericus.

Ключевые слова: сущее и должное, человек долженствующий (homo responsabilis), homo noosphericus, космизм, антропный принцип.

**НОМО NOOSPHERICUS
AS IMAGE ACTUALIZATION OF НОМО FUTURUS**

A. P. TSVETKOV Ph.D., professor,
Taurida National V.I.Vernadsky University
(Simferopol, Ukraine)

The realisation of gap between existing and proper, and therefore, of deficit of one's substantiality and fullness, that is identity, have caused the phenomenon which Hegel signified as "unhappy consciousness". In the context of opposition of existing and proper and with the help of key points of Noospherology, the idea about sharp necessity of culture-forming ideal image actualization of a person, Homo Responsabilis, is grounded through possible implementation of homo noosphericus project. The deep nostalgia of an individual for integrity and fullness of one's own existence caused the evolution of idealized Homo Responsabilis images in European culture: "Homo Sanctus" of Middle Ages, "Homo Humanitatis" of Renaissance, "Homo Sapiens" of the Rational Era, "Homo Machina" of Enlightenment, "Homo Economicus" of Modern Times and so on. Essentially, up to the middle of the 20th century the ideal image of Homo Responsabilis had actual projection not only to present but mainly to future that generated and stimulated the responsibility of a human for one's present and future. A contemporary person finds oneself in other situation. A separate individual drops behind "the speed" of humankind development in the sense of intellectuality and civilization. In the condition of accelerating multiple increase of information a person is obliged to glide on the surface of signs without having even time to correlate them with corresponding meanings and even more to deepen into their sense. Sad as it may seem to admit the horizons of intellectual and spiritual wild-growing for a human are becoming more distant. The project Homo Noosphericus, the actualization of Homo Responsabilis image, is justified by the analysis of such key points of noosphere studies as "cosmism", "biosphere", "noosphere", "semiosphere", "gaia conception" and "anthropic principle". Such an analysis allows to uncover and to frame an important meta-anthropological intention. For example, if strong version of anthropic principle is admitted as genuine and modality of responsibility concerning universe is true it will mean that modality of responsibility concerning individual, Homo

Responsabilis, will be also veritable. It is logically evident that philosophical meta-anthropology (noospheric anthropology in this context) will become new, possibly the most important phase in the research of a human phenomenon.

Keywords: existing and proper, homo responsabilis, homo noosphericus, cosmism, anthropic principle.

Самостояние современного человека осуществляется в пространстве драматического конфликта между сущим и должным, что порождает соответствующее его переживание и интенциональность.

Осознание разрыва между сущим и должным в европейской культуре фиксируется, на наш взгляд, уже в античности – в древнегреческой драме. С одной стороны, в трагедиях Эсхила, ставших предметом эстетического умозрения Аристотеля (катарсис, калокагатия), а с другой стороны, в комедиях Аристофана, в бесстыдно-разрушительном смехе которых были развенчаны боги Олимпа – символы реальности должного, своеобразные «знаки-иконы» истинной реальности. Можно утверждать, что с этого момента формулируется метафизический принцип, согласно которому критически мыслящий субъект, становясь базисной точкой для всей действительности, обретает новое, а именно, «несчастное» (термин Гегеля) сознание. То есть, осознание дефицита своей субстанциональности и полноты, иначе говоря, Самости.

Это событие, как представляется, отобразено удивительной констатацией Гегеля о том, что «самость есть абсолютная сущность; сущность, которая была субстанцией и в которой самость была акцидентальностью, низведена до предиката» [Гегель, 1992: с. 399], то есть до сказуемого суждения. Видимо, не случайно ещё Протагор, интуитивно осознавая дефицит человеческой субстанциональности и полноты, продекларировал мудрость на века: человек есть мера всех вещей.

Рефлексия «несчастливого» сознания не могла не вызвать у человека непонятной ему глубинной «ностальгии» по целостности и полноте собственного бытия. Это, в свою очередь, обусловило возникновение целой череды идеализированных метаантропологических образов человека долженствующего: «*homo sanctus*» Средневековья, способного стать святым; «*homo humanitatis*» Ренессанса, создававшего новый гуманитарно-культурный «космос»; «*homo sapiens*» – с его «Великим Восстановлением Наук» эпохи рационализма; «*homo machina*» эпохи Просвещения – с его верой в прогресс человеческого разума, что, по мнению гениев этой эпохи, неизбежно, почти механически, должно вызвать прогресс общественный. Наконец, «*homo economicus*» Нового и новейшего времени – с его хищническим отношением к природе и не только.

Важно подчеркнуть, что идеальный образ человека долженствующего (вплоть до середины XX века) имел актуальную проекцию не только на настоящее, но, главным образом, на будущее. Формируя тем самым своего рода утопическое мышление, продуцировавшее, как минимум, социально и антропологически позитивные проекты лучшего будущего. Это, в свою очередь, естественным образом порождало и стимулировало ответственность человека за своё настоящее и будущее.

Современные культурные практики умножают философские модусы относительно природы человека. Так, наряду с *Homo sapiens*, используется большое количество характеристических модусов, таких как *Homo ludens*, *Homo metaphysicus*, *Homo religiosus*, *Homo excentricus*, *Homo politicus*, *Homo*

sociologicus, Homo loquens, Homo grammaticus, Homo symbolicus, Homo synertechologicus и другие. С одной стороны, это как будто бы свидетельствует о более глубоком постижении сущности человека, а, с другой стороны, создаёт условия «размытости» для такого постижения.

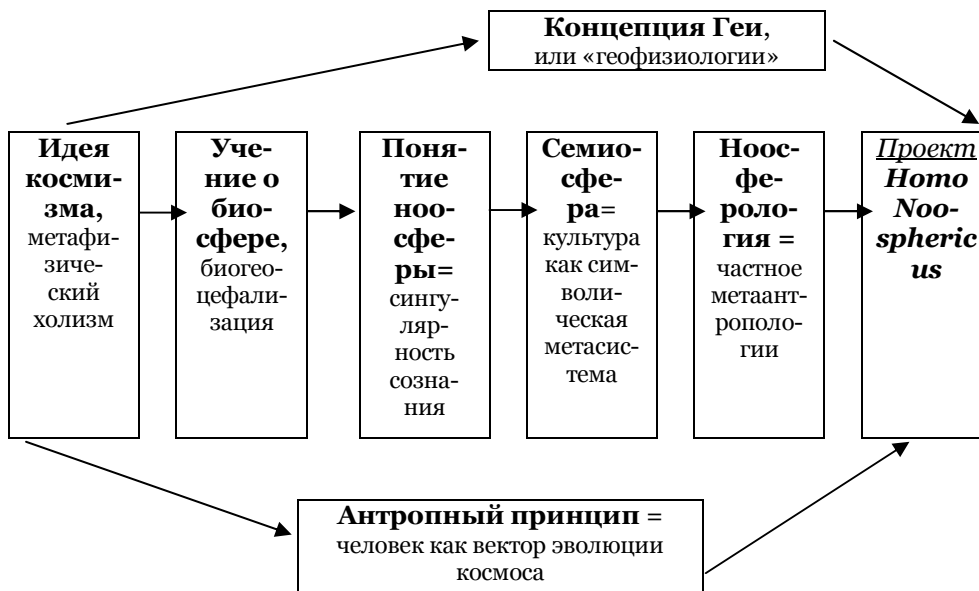
«*Homo moderni*», современный человек, на протяжении нескольких десятилетий являлся свидетелем и участником процесса смены классической научной парадигмы – с последующим переходом к целому ряду конкурирующих между собой авторских методологических стратегий. В итоге, утопии сменились антиутопиями. В своей книге «Об интерпретации. Очерки по Фрейду» (1965) Поль Рикёр называл Маркса, Ницше и Фрейда «мэтрами подозрений (*maître soupçons*)» [Ricoeur, 1965: p. 8]. А дело в том, что все трое были убеждены, что за каждым словом любого языка стоит другое, более глубокое содержание, определённые скрытые мотивы: экономические – у Маркса, психические – у Фрейда. Ницше (как и Фуко позже) был более радикален, а по сути, крайне релятивен: поскольку сфера интерпретаций, по его мнению, не имеет границ, постольку сам процесс познания является полем ожесточённой битвы интерпретаторов, где каждый претендует на аутентичность своей версии. То есть, эти мыслители (и подобные им «академические звёзды»), вступив в конфликт с другими глобальными интерпретациями феномена человека, сменили классическую парадигму гуманитарного познания (на релятивистскую) и мышления (на антиутопическую). Это во многом предопределило кризис сознания европейского человека – оно по-настоящему стало несчастным, утратив императивность позитивного долженствования. Глобальные события XX века, имея в виду не только мировые войны, прибавили в это сознание большую долю трагизма и фатальности.

Сегодня в социуме акцент перенесён *на сущее в ущерб должному*. Становящийся тотальным консюмеризм постепенно превращается в глобальную идеологию; цивилизация угрожает самому существованию национальных культур, а их возрастающая унификация чревата *непредвидимыми последствиями для всего человечества*. Подобно тому, как утрата биоразнообразия может привести к исчезновению биосферы (чего опасаются биологи), потеря культурного разнообразия будет в известном смысле означать не только «закат Европы», но и «конец истории». Тем более, что современные технологии всей своей возрастающей мощью наступают на «субъектологию», как метаантропологию и как область человеческой индивидуальности, оттесняя её на периферию исторического процесса, обедняя жизненный мир человека (*Lebenswelt*).

Отдельно взятый человек эпохи постмодерна, существенно отставая в интеллектуальном и цивилизационном смыслах от «скорости» развития человечества, в условиях ускоряющегося многократного увеличения информации вынужден попросту «скользить» по поверхности знаков, не имея необходимого времени соотнести их с соответствующими значениями, а тем более углубиться в их смыслы. Горизонты интеллектуального и духовного одичания человека, как это ни печально признавать, постоянно раздвигаются. Чтобы максимально избежать отрицательных последствий такого сценария, необходимо задуматься о проектах возможного развития, которые могли бы минимизировать опасный вектор развития. Перефразируя классика, следует сказать, что речь в самом широком смысле должна идти о «Великом Восстановлении Человека». В данном случае разрабатывать проект *homo noosphericus*.

Проект *homo noosphericus* в контексте учения В. И. Вернадского о ноосфере, без сомнения, может стать средством осуществления так необходимой сегодня актуализации образа человека должностующего. Ноосферный человек – это носитель и субъект ноосферы, предпосылкой и основанием которой является коммуникация сознания с сознанием. Ноосферу поэтому можно представить как глобальную «сеть» этих коммуникаций, как совокупное мыслящее, рефлектирующее и понимающее себя человеческое сознание. Это настолько серьёзно теоретически, что для дальнейшего осуществления заданного дискурса важно воссоздать некий концептуальный контекст.

Памятуя, что ноогенез, как некий психический центр коммуникации сознаний (трансцендентный пространству и времени), явился результатом космогенеза и геогенеза, следует обозначить некоторые ключевые и взаимосвязанные понятия ноосферологии: «космизм», «биосфера», «ноосфера», «семиосфера», «концепция Геи» и «антропный принцип». Возникшие в разное время и в недрах различных областей знания, эти понятия связаны между собой и генетически, и предметно, и содержательно. То есть, в определённом смысле, они являются изоморфными и инвариантными. Понимая ноосферологию как частный случай субъектологии и метаантропологии, логично осуществить краткий анализ ключевых концептов ноосферологии, следуя при этом хронологическому принципу. Для наглядности можно предложить упрощённую концептуальную схему вышеназванных ключевых понятий:

Не вдаваясь в подробности космохронологии, отметим, что идея космизма, пережившая в своей истории различные этапы, оказалась особенно плодотворной в период возникновения новоевропейской науки. В России, ставшей родиной научного учения о биосфере и переходе её в ноосферу и открывшей реальный путь в космос, уже начиная с середины XIX столетия, формируется уникальное космистское направление научно-философской мысли, весьма широко развернувшееся в XX веке (Н. Ф. Фёдоров, К. Э. Циолковский,

В. И. Вернадский, Н. Г. Холодный, А. Л. Чижевский и др.). Под космизмом понимается целый поток отечественной культуры, включающий не только идеи философов и учёных, но и поэтов, музыкантов, художников, которые возложили на человека особую ответственность, указав на его высокую и ответственную миссию причастности не только к планетарным, но и к космическим процессам. Именно с Фёдорова, Циолковского и других мыслителей-космистов в философию и науку входит настоятельное требование преобразовательной активности со стороны человечества, как соборного микрокосма, направленной на макрокосм во имя не только гармонизации отношений человека с космосом, но и, главное, совершенствования самого человека – Человека долженствующего. В пределе – сверхчеловека.

В. И. Вернадский в статье «Несколько слов о ноосфере», рассуждая о соотношении понятий биосферы и ноосферы, даёт такое определение итоговому понятию: «Ноосфера – последнее из многих состояний *эволюции биосферы* в геологической истории – состояние наших дней. Ход этого процесса только начинает нам выясняться из изучения её геологического прошлого в некоторых своих аспектах» [Вернадский, 1944: с. 118]. Он был убеждён в том, что соединение достижений науки и производительного труда всего человечества позволят в будущем решить не только экологические, но и социальные проблемы, итогом чего и будет превращение биосферы в сферу качественно нового человеческого разума – ноосферу.

Наиболее полно учение Вернадского о ноосфере и путях её становления изложены в его работе «Научная мысль как планетное явление» [Вернадский, 1991], где указаны основные условия перехода биосферы в ноосферу, а также такие его признаки, как заселение человеком всей планеты (включая пустыни и зоны Северного и Южного полюсов); резкое усовершенствование международных коммуникаций; расширение границ биосферы и выход в Космос; открытие новых источников энергии; равенство всех рас и религий при полной свободе научной мысли от давления идеологических институтов; исключение войн из жизни общества; устранение угрозы голода, нищеты, болезней и т. д. В общем, можно говорить о некоторой планетарной стратегии выживания, предложенной Вернадским, которая требует от нас глубокого «ноосферного» анализа всё более усложняющихся планетарных проблем.

Говоря современным языком, ноосфера – это некая сингулярность сознания, то есть расширенное, глобально-обобщающее состояние сознания нового человека, Человека долженствующего. В данном контексте – человека ноосферного.

В проекте *homo noosphericus* неожиданно важное значение приобретает концепция Геи как особая геоантропологическая метафора. Согласно концепции Геи [Lovelock, 1996], эволюция биоты, то есть совокупности всех биологических организмов, настолько тесно связана с эволюцией их физического окружения в масштабе планеты, что вместе они составляют Нечто – единую саморазвивающуюся систему, которая обладает саморегуляторными свойствами, напоминающими физиологические свойства живого организма. Это Нечто и названо Геей по имени греческой богини Земли (Gaia). Гея как своего рода самоорганизующаяся система, суперорганизм (сам Лавлок, как и его давняя соратница, биолог Линн Маргулис, впоследствии понятие суперорганизма признали в качестве полезной биологической метафоры) обладает саморегуляторными «геофизиологическими» свойствами. То есть поддерживает целый ряд

параметров внутренней среды в относительно стабильном, благоприятном для живых организмов уровне (гомеостаз в любом временном срезе).

По мнению Дж. Лавлока и особенно Линн Маргулис, все организмы, популяции, экосистемы, воздух, почва, скалы являются как бы частями, органами единой симбиотической системы – Геи. Человечество также является членом этой единой сложной многоуровневой симбиотической системы, в которой осуществляется информационный обмен между всеми партнёрами как непосредственно, так и опосредованно, через среду [Margulis, Guerrero, Bunyard, 1966].

Выходит, что превалировавший долгое время антропоцентризм превратил человеческую популяцию в больной орган, живущий по собственным законам, несогласованным с Геей и космосом. Согласно Лавлоку, управлять биосферой, Геей – невыполнимая и неблагодарная задача, так как это практически бесконечно сложная система, накопившая «мудрость» циклического многоуровневого эволюционного процесса, длившегося более трёх с половиной миллиардов лет.

Человечество в принципе не может быть менеджером Земли. Мы не владельцы Земли, не «президенты земного шара», не посетители. Жить с Геей является персональной ответственностью каждого. Поэтому путь выживания человечества связан с коренным изменением стиля жизни, философии, соборного сознания человека *долженствующего* – через признание Геи самоценностью, которая не может быть подчинена человеку. Скорее наоборот, человек должен осознать, что он часть Геи и что здоровье Геи есть и его здоровьем. Необходимо направить усилия людей на изучение и поддержание естественных механизмов саморегуляции и самоорганизации на планетарном уровне. Лучшей из забот человека *долженствующего* является забота обо всей Гее.

Научно-теоретическая часть концепции Геи, то есть геофизиология, очень близка концепции «Биосферы» В. И. Вернадского, особенно в современной её трактовке. (Следует отметить, что в семидесятых годах прошлого века Дж. Лавлок ещё не был знаком с трудами великого русского учёного и мыслителя, о чём он с сожалением пишет в своих работах.) В известной мере справедливо утверждение о том, что Дж. Лавлок через полвека переоткрыл «Биосферу». Но он не только переоткрыл, но и развил её, довёл до логического конца, в значительно более явной, нежели его предшественники, форме используя традиционную метафору организма. Несмотря на заметное общее сходство, между концепцией биосферы (судя по поздним опубликованным работам В. И. Вернадского) и Геей имеются различия в расстановке определённых акцентов, как в научном, так и в философском плане. Во-первых, Гея – это, вообще говоря, Земля в целом, а не биосфера. Поэтому Дж. Лавлок не касается вопроса о пространственных границах Геи, оставляя этот вопрос открытым. Во-вторых, концепция Геи выдвинута намного позднее концепции биосферы, в ином социально-историческом контексте, в период быстрого развития экологического кризиса, вызванного в немалой степени бурным научно-техническим прогрессом. Несомненным, однако, является тот факт, что и концепция биосферы В. И. Вернадского, и концепция Геи Дж. Лавлока задают нам образ Человека *долженствующего*, как бы уточняя и конкретизируя проблемы метаантропологии.

Концепция семиосферы в качестве теоретического факта может быть, на наш взгляд, понята как абстракция от понятий ноосферы и космизма, собст-

венно, как их лингво-семиотическая реминисценция. Семиосфера, по мнению автора этого понятия Ю. М. Лотмана, есть «некий семиотический континуум», который включает в себя все созданные культурой тексты [Лотман, 1992: с. 11]. Под семиосферой Ю. М. Лотман предложил понимать некую протяжённую систему, существующую над всеми прочими семиотическими образованиями и вместе с тем объединяющую их все воедино. Это «некий семиотический континуум», который включает в себя все созданные культурой тексты. «Такой континуум, – подчёркивает Ю. М. Лотман, – мы по аналогии с введённым В. И. Вернадским понятием "биосфера", называем семиосферой. Следует предупредить против смешения употребляемого В. И. Вернадским термина "ноосфера" и вводимого нами понятия "семиосфера". <...> Если ноосфера имеет материально-пространственное бытие, охватывая часть нашей планеты, то пространство семиосферы носит абстрактный характер. Это, однако, отнюдь не означает, что понятие пространства употребляется здесь в метафорическом смысле (курсив мой – А. Ц.). Мы имеем дело с определённой сферой, обладающей теми признаками, которые приписываются замкнутому в себе пространству. Только внутри такого пространства оказывается возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации» [Лотман, 1992: с. 12–13].

Иначе говоря, семиосфера охватывает собой всё семиотическое пространство, которое создано посредством семиозиса: семиозис выступает как процесс, а семиосфера – как результат. При этом семиосфера нуждается в «неорганизованном» внешнем окружении и конструирует его себе в случае отсутствия. Культура создаёт не только свою внутреннюю организацию, но и свой тип внешней дезорганизации. Динамический характер семиозиса не разрушает целостности коммуникационных процессов, поскольку в их основе лежит инвариантный принцип единства симметрии-асимметрии (на уровне языка эта структурная черта была охарактеризована Соссюром как «механизм сходств и различий»). Поскольку этот принцип «имеет структурный характер, выходящий за рамки не только человеческого общества, но и живого мира, и позволяет установить подобие самых общих структур, например, поэтическому произведению, то, естественно, напрашивается вопрос: не является ли весь универсум сообщением, входящим в ещё более общую семиосферу? Не подлежит ли вселенная прочтению?» [Лотман, 2000: с. 21]. Налицо – очевидная космоистская интенция.

Такого рода «прочтение» вселенной возможно, как представляется, через аналитическую реконструкцию текстов культуры, а значит, обнаружение всё новых и новых её смыслов. Ю. Лотман в статье «Культура как субъект и сама-себе объект» отмечает: «Фундаментальным вопросом семиотики культуры является проблема смыслопорождения. Смыслопорождением мы будем называть способность как культуры в целом, так и отдельных её частей выдавать на "выходе" нетривиально новые тексты. Новыми текстами мы будем называть тексты, возникающие в результате необратимых (в смысле И. Пригожина) процессов, то есть тексты, в определённой мере непредсказуемые. Смыслопорождение происходит на всех уровнях культуры. Процесс этот подразумевает поступление извне в систему некоторых текстов и специфическую, непредсказуемую их трансформацию во время движения между входом и выходом системы. Системы этого рода – от минимальных семиотических единиц до глобальных, типа «культура как себе-достаточный универсум», – обладают, при

всем различия их материальной природы, структурным изоморфизмом. Это, с одной стороны, позволяет построить их минимальную модель, а с другой – окажется чрезвычайно существенным при анализе смыслопорождения» [Лотман, 2000: с. 640]. Развитие семиосферы в процессе прогрессивно расширяющегося смыслопорождения можно уподобить образу «расширяющейся Вселенной», поскольку ясно, что «семиосфера современного мира, которая, неуклонно расширяясь в пространстве на протяжении веков, приняла ныне глобальный характер, включает в себя и позывные спутников, и стихи поэтов, и крики животных. Взаимосвязь этих элементов семиотического пространства не метафора, а реальность» [Лотман, 2000: с. 21]. И здесь – явно метафизически космистская и одновременно метаантропологическая интенция.

С учением В. И. Вернадского о ноосфере и гипотезой «Геи» Дж. Лавлока неожиданным образом может коррелировать сформулированный Б. Картером в 1973 г. так называемый *антропный принцип*, согласно которому мы имеем дело с наличием взаимосвязи между параметрами Вселенной и существованием в ней разума [Картер, 1978].

Согласно сильной версии этого принципа, *Вселенная (и, следовательно, её фундаментальные параметры) должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей.*

Следствием методологического развития сильной формулировки антропного принципа стало максимальное расширение границ этого принципа до идеи о том, что Вселенная должна быть именно такой, чтобы в ней на определённом этапе появился человек, то есть она эволюционирует в предустановленном направлении, к главной цели – появлению человека. Этот целеполагающий аспект и явился предметом для многосторонней критики сильного антропного принципа. Основная аргументация такой критики строится на тезисе о том, что *модальность долженствования*, вполне уместная в области этики, не является корректной в области научных принципов, к числу которых Картер и его сторонники относят антропный принцип.

В связи с этим появились коннотативные и ассоциативные суждения критического характера о том, что требование сильного антропного принципа, согласно которому Вселенная должна быть запрограммирована на появление человека, якобы допускает теологическое объяснение, а именно, с опорой на трансцендентные силы. Однако такая критика существенно ослабляется, если сослаться на точку зрения саморазвития, самоорганизации мира (включая идею спонтанности, хаотического раздувания и т. д.), столь же гипотетически объясняющую status quo. Тем более что status quo находится в русле постнеклассической традиции, в которую вступила наука на пороге XXI в. в связи с развитием синергетики, – что явно коррелирует с самим названием сценария «самовосстанавливающейся Вселенной».

Возникают идеи о необходимости создания такой теории антропного принципа, которая включала бы в себя высшую форму материи – сознание. Так, например, выдающийся современный русско-американский физик А. Линде пишет: «Заранее нельзя исключить, что тщательное отмежевание от использования понятия сознания в квантовой космологии является искусственным сужением зоны поиска. Нетривиальность рассматриваемой ситуации некоторые авторы подчёркивают, заменяя слово «наблюдатель» словом «участник» и вводя такие термины, как «самопознающая Вселенная». Фактически речь идёт о том, действительно ли стандартная физическая теория является

замкнутой применительно к описанию мира в целом на квантовом уровне или же нельзя полностью понять, что такое Вселенная, не поняв сначала, что такое жизнь» [Линде, 1990: с. 246; Линде, 1984: с. 248]. В настоящее время А. Линде вместе со своими сотрудниками, математически описывая возможность существования множества вселенных, констатирует необходимость присутствия в каждой из них независимого наблюдателя определённого им типа [Linde, Vanchurin, 2010].

Таким образом, получил своё обоснование заявленный в начале данной статьи тезис о необходимости осуществления проекта *homo noosphericus* – актуализации образа человека долженствующего. Анализ ключевых понятий ноосферологии, таких как «космизм», «биосфера», «ноосфера», «семиосфера», «концепция Геи» и «антропный принцип» позволил выявить и конкретизировать важную метаантропологическую интенцию. Если, например, сильная версия антропного принципа будет признана истинной, а модальность долженствования по отношению к Вселенной окажется верной, это будет означать, что столь же истинной является и модальность долженствования по отношению к человеку – человеку долженствующему. Из этого логически следует, что философская метаантропология (в данном контексте, ноосферная антропология) станет новым, возможно, самым важным этапом в исследовании феномена человека.

Литература

- Вернадский, 1944 – Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. – 1944. – № 18, вып. 2. – С. 113–120.
- Вернадский, 1991 – Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
- Гегель, 1992 – Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета. – М., 1992.
- Картер, 1978 – Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: теория и наблюдения. – М., 1978.
- Линде, 1984 – Линде А.Д. Раздувающаяся Вселенная // Успехи физических наук. – 1984. – Т. 144.
- Линде, 1990 – Линде А.Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. – М., 1990.
- Лотман, 1992 – Лотман Ю.М. О семиосфере // Избранные статьи: В 3 т. – Т. 1. – Таллинн, 1992.
- Лотман, 2000 – Лотман Ю.М. Семиосфера. Искусство. – СПб, 2000.
- Linde, Vanchurin, 2010 – Linde A., Vanchurin V. How many universes are in the multiverse? // Phys. Rev. D81:083525, 2010, p.p. 1-12. - Stanford University, USA. 14.
- Lovelock, 1996 – Lovelock J.E. The Gaia Hypothesis // Gaia in Action / P. Bunyard (ed.). – Cromwell Press, Wilts, 1996, pp. 167–184.
- Margulis, Guerrero, Bunyard, 1996 – Margulis L., Guerrero R., Bunyard P. We are all Symbionts // Gaia in Action / P. Bunyard (ed.). – Cromwell Press, Wilts, 1996.
- Ricoeur, 1965 – Ricoeur Paul. De l'interprétation: essai sur Freud. – Paris: Éditions du Seuil, 1965. – 533 p.

References

- Vernadskii V.I. Neskol'ko slov o noosfere [A few words about the noosphere] // Uspehi sovremennoi biologii. – 1944. – № 18, vol. 2. – P. 113–120.
- Vernadskii V.I. Nauchnaya mys'l' kak planetnoe yavlenie [Scientific Thought as a Planetary Phenomenon]. – Moscow: Nauka, 1991. – 271 p.

- Hegel G.W.F.* Fenomenologiya duha [Phenomenology of Mind] / Per. s nem. G.G. Shpeta. – Moscow, 1992.
- Karter B.* Sovpadenie bol'shikh chisel i antropologicheskii princip v kosmologii [The coincidence of large numbers and the anthropological principle in cosmology] // Kosmologiya: teoriya i nablyudeniya [Cosmology: theory and observation]. – Moscow, 1978.
- Linde A.D.* Razduvayushayasya Vselennaya [Inflationary Universe] // Uspеhi fizicheskikh nauk. – 1984. – Vol. 144.
- Linde A.D.* Fizika elementarnykh chastic i inflyacionnaya kosmologiya [Elementary Particle Physics and Inflationary Cosmology]. – Moscow, 1990.
- Lotman Yu.M.* O semiosfere [About semiosphere] // Izbrannye stat'i [Selected articles] Vol. 1. – Tallinn, 1992.
- Lotman Yu.M.* Semiosfera. Iskusstvo [Semiosphere. Arts]. – St. Petersburg, 2000.
- Linde A., Vanchurin V.* How many universes are in the multiverse? // Phys. Rev. D81:083525, 2010, p.p. 1-12. - Stanford University, USA. 14.
- Lovelock J.E.* The Gaia Hypothesis // Gaia in Action / P. Bunyard (ed.). – Cromwell Press, Wilts, 1996, pp. 167–184.
- Margulis L., Guerrero R., Bunyard P.* We are all Symbionts // Gaia in Action / P. Bunyard (ed.). – Cromwell Press, Wilts, 1996.
- Ricoeur Paul.* De l'interprétation: essai sur Freud. – Paris: Éditions du Seuil, 1965. – 533 p.

